

Виктор Кротов

Избранные стихи

Из пяти сборников

Виктор Кротов
Избранные стихи.
Из пяти сборников

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25724780

ISBN 9785448566318

Аннотация

Лучшее из пяти стихотворных сборников: «Стихия весны», «Письма наизусть», «Неприкаянность», «Стремительный покой» и «Голова колесом». Представлены возрастные и тематические особенности каждой из этих по-своему итоговых поэтических книг.

Содержание

Избирать стихи нелегко	6
Из сборника	8
«Достигнуть зрелости легко...»	8
«Капля за каплей...»	9
«Бако сказал мне про один кишлак...»	10
«Подури, дури, головушка...»	11
«Настоящая лирика ...»	13
«И снова, и снова...»	14
«Ты простишь человеку привычки, пороки...»	16
Два замка	17
Видеть!	19
«Чувства – злой, смешной круговорот!...»	21
Календарь	22
«Лес сплавляют...»	23
Байдарка	24
1	24
2	24
3	25
4	26
5	27
Учёному	29
«Седина ...»	30
«Земля пробуждается ...»	31

«Вечер придёт...»	33
Картина Чюрлёниса «Покой»	35
Каптерев «Вечерний звон»	36
«Проказы природы ...»	38
«Спит прошлое...»	39
«На жар-птицу глядят восторженно...»	40
«Не я в дорогу. Нет. В меня дорога...»	42
«Крошечная льдинка...»	43
«Как белка, взгляд карабкается ловко...»	44
«Одинокая цепочка следов...»	45
Кадриорг	46
Из сборника	47
«Блеском и блёстками...»	47
«В воздухе...»	49
«Мы совсем рядом...»	50
«Весь город исходив от края к краю...»	51
«Наизусть...»	52
«Мне без тебя невмочь...»	53
Бродячий цирк	55
«Чудесная бабочка с глазами феи...»	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Избранные стихи Из пяти сборников

Виктор Кротов

© Виктор Кротов, 2017

ISBN 978-5-4485-6631-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На обложке картина Валерия Каптерева «Цветы в банке».

Избирать стихи нелегко

Эта книга представляет собой отбор стихотворений из пяти сборников разных периодов и разной тематики. Это разнообразие хотелось в какой-то степени сохранить. Но при этом хотелось и держать определённую планку для качества стихов – более высокую, чем при составлении самих сборников. Насколько всё это удалось, судить не берусь. Хочу только пожаловаться, что это было не очень-то просто. На каждом стихотворении память норовила надолго отправиться в давние времена его написания. Иногда ей это удавалось... Но, наверное, это означает, что поэзии удалось сохранить многие переживания в достаточно достоверном виде.

Вот эти пять сборников:

Стихия весны. Начальное

С конца 1963 до июня 1972 годов: освоение поэзии.

Письма наизусть. С июня 1972 года

О моей единственной любви с первого взгляда.

Неприкаянность. Время перемен

Непокой и маята в периоды поиска ориентиров.

Стремительный покой. Стихи становления

Догадки о духовной структуре мира и о призвании.

Голова колесом. Иронические стихи

Одно слово – скорпионья поэзия.

Аетор

Из сборника «Стихия весны»

«Достигнуть зрелости легко...»

Достигнуть зрелости легко:
живи и жди, когда наступит
необратимый переход —
от детских слёз
к ворчанью в ступе,
от смеха смелого
к тому,
чтоб улыбаться умудрённо,
к тому, чтоб не мешали сну
полунесбыточные дрёмы.
Нет больше буйства —
есть покой:
мол, выше головы не прыгнуть...

Достигнуть зрелости легко.
Другого хочется достигнуть...

«Капля за каплей...»

Капля за каплей
стучатся в окно,
и до того мне грустно,
что кажется, будто это
одна горемычная капля
устало и безнадежно
стучит кулачком прозрачным —
просит, чтобы впустили.

1966

«Бако сказал мне про один кишлак...»

Бако сказал мне про один кишлак:

«Там люди тёмные, неразвитые люди —
они работать много не хотят
и даже стариков не уважают».

1966

«Подури, дури, головушка...»

Подури, дури, головушка
пока плечи не широкие
пока ноги не усталые
пока руки не рабочие

Поучись, учись, головушка
не печалься ты уроками
не склоняйся под ударами
не грусти без ранних почестей

Покружись, кружись, головушка
наслаждаясь разноцветием
опьяняясь поцелуями
не заботясь о солидности

Помудри, мудри, головушка
не считаясь с многолетием
с изречениями умными
с азбукой житейской хитрости

Погордись, гордись, головушка
тем, что помыслы высокие
тем, что подвиги немалые
на своём свершишь ты поприще

Пошуми, шуми, головушка
пока плечи не широкие
пока ноги не усталые
пока руки не рабочие

1967

«Настоящая лирика ...»

Настоящая лирика —
дикий тигель алхимика,
где ступени познания —
вещества без названия...

1967

«И снова, и снова...»

*И снова, и снова
Так бей же по жилам,
Кидайся в края,
Бездомная молодость,
Ярость моя!..»*

Багрицкий

И снова, и снова
нам нужно чего-то —
не жеста, не слова,
а трудной работы.

Чтоб степи ломались
от рук и металла,
цементная завязь
чтоб стены рождала.

Чтоб рвать рукавицы
об острые камни,
что стружки, как птицы,
от брёвен взлетали.

Пласты клейкой глины
ворочать лопатой!..
Мальчишечья сила

не требует платы.

1969

«Ты простишь человеку привычки, пороки...»

Ты простишь человеку привычки, пороки,
ты простишь ему самую злую обиду...

И прости даже то,
что в ответ он тебе ничего не простит,
и особенно эту способность:
вечно прощать.

1967

Два замка

Этот дядя был неразговорчив.
Он присел на краешек скамейки,
стал смотреть, как я кончаю строить
замок из песка, камней и веток,
замок с тысячею подземелий,
замок, неприступный, словно крепость.

Он сидел, часы тихонько стучал...

Наконец закончен был мой замок.
Но, взглянув на дядю, я вдруг понял,
почему ему сейчас так грустно.
Ну конечно – завидно немного.

И тогда я снова начал строить,
натаскал камней, песка и веток...
Новый замок вырос у скамейки.

«Это вам» – я дяде объяснил.

Он повеселел, конечно, сразу.
Я же стал прокладывать дорожку
между нашими двумя дворцами...

Только вдруг в одно из подземелий

только что построенного замка
наступил каблук какой-то тети,
подошедшей к дядиной скамейке!..

...Я другим дворцов теперь не строю,
раз потом уходят, не прощаясь,
да еще держа под руку тетю,
туфлей наступившую не замок.

1967

Видеть!

Я сегодня
воин в колеснице,
запряжённой
карими конями,
запряжённой
быстрыми глазами.

Мчатся кони
в упряжи глазницы —
мчатся взоры
по дорогам ветра,
мчатся взоры
по дорогам света.

Я сегодня
воин в колеснице,
запряжённой
странными конями,
для которых корм любимый —
пламя,
для которых корм обычный —
лица.

Я сегодня
в воинском обличье

мчусь вперёд,
и радость – мой возничий.

1967

«Чувства – злой, смешной круговорот!..»

Чувства – злой, смешной круговорот!
В нём чуть различимы силуэты
мыслей, наклонившихся вперёд, —
путников, идущих против ветра.

1968

Календарь

Календарь мой, календарь,
беленькая книжица.
Нынче так же, как и встарь,
дни за днями движутся.

Долго так же будет впредь:
дни скользят, проворные,
тянут нас взростеть, стареть,
красные и чёрные...

Перевёрнутых листков
стопка утолщается...

Мною посреди веков
книга дней читается.

1968

«Лес сплавляют...»

Лес сплавляют.

Мокрые брёвна
тоскливо колотятся
в берег упругий.

А на обрыве
уцелевшие сосны
всеми ветвями
благочестиво
установились в небо,
совсем незаметно
глаза опуская
на братьев погибших.

Лес сплавляют.

Вода и деревья.

1968

Байдарка

1

Стрингеры крепятся вдоль,
шпангоуты – поперёк.
Все вместе они образуют
остов байдарки, её содержание.

Остов тщательно собирают
и потом, осторожно давя на кильсоны,
стараются всунуть его в обшивку.

И если форма обшивки
не будет соответствовать содержанию,
на байдарке просто нельзя будет плыть.

Это вам не литература.

2

Да здравствует живой кинематограф,
где кинолента серебристая, река,

без затемнения, без линз и без моторов
нам демонстрирует за кадром кадр.

Все достижения техники здесь меркнут.
Мы каждый день глядим во все глаза
фильм панорамный,
широкоэкранный,
широкоформатный,
стереоскопический
(причём не нужно выбирать
удобную точку зрения),
цветной,
с очень современным сюжетом
(то есть почти без сюжета),
а если не лень крутить головой,
то это даже круговая кинопанорама...

Плыви, байдарка, наш двухместный зал!..

3

Порой течение
имеет к нам влечение,
и забирает нас с собой течение,
оно нас принимает в обучение,
движенью учимся мы у течения...

Но вот река приходит в заводь,
и, значит, наш настал черёд:
самим – в осоке тихо плавать,
или самим – лететь вперёд!

4

Рыбы страсти
под водой,
рыбы всплески.

Ах, как жалко,
что с собой
нету лески!

Рыбы всплески
на воде,
рыбы страсти.

Раздобыли,
наконец,
мы все страсти.

Рыбы страсти
под водой,
рыбы всплески!

Но обходят
стороной
рыбы леску...

Рыбы всплески
на воде!
рыбы страсти!

Нету рыбки
на крючке —
к чёрту снасти!

5

Байдарка пытается
научить меня своим законам.

- Бойся любой мели, – говорит она.
- Знаю, я всегда сторонился любых дураков.
- Особенно бойся мелей с камнями.
- Конечно, дураки с характером
гораздо опаснее,
- Остерегайся мутной воды:
там может скрываться коряга.
- Что и говорить,
мне никогда не нравились люди,
напустившие на себя

глубокомыслие и многозначительность.
– Лучше всего такие места, —
заканчивает свои поучения байдарка, —
где вода прозрачна,
но так глубоко,
что дна совершенно не видно.
– Ничего нового,
ничего нового,
я сам давно хочу стать таким.

1968

Учёному

Ну что ж, тебе шагать путём познания,
слагать законы – логики сказанья,
продёрнуть в тайны мира смысла нить:
почти что всё ты сможешь объяснить.

Почти что всё. Останется чуть-чуть.
Останется лишь то, в чём скрыта суть.

1969

«Седина ...»

Седина —
отблеск вечности,
озаряющей головы
своих приближённых.

О чём они думают,
что чувствуют
в преддверии вечности
серебряноглавые старики?..

1969

«Земля пробуждается ...»

Земля пробуждается —
тает и тянется...

И снега седины
лучистой гребёнкой
с себя соскребая,
о солнце и небо
трёт бурую спину.

И с бурною силой
пружины весенние
в недрах закручены.

И всё в напряжении —
почек комочки,
деревья нагие,
речушек излучины...

Здравствуй, стихия!..

Бросает стихия
сердца на весы —
стихия природы,
стихия весны.

«Вечер придёт...»

Вечер придёт,
разрешенья не спросит —
всякому люду
подарки приносит.

Любимым – ласку,
детишкам – сказку,
мне – тоску.

Без сна
у окна
один ночью стою —
одиночествую.

Отошли, угасли
умные мысли,
а луна и сердце
грустно повисли
посреди мглы,
посреди неба,
посреди ночи,
посреди Сибири,
посреди земли.

Много, много

у земли средин,
где жизнь – отрогом,
где я один.

Есть одиночество мудрое,
есть одиночество утлое.

Хвала тем, кто всегда мудр,
у кого жизнь – из одних утр.

А мне и тоска
так близка...

1969

Картина Чюрлёниса «Покой»

Скалистый кит,
два скрытых ока,
всё отразившая вода...

И основание – глубоко,
как мысль,
как вера,
как беда.

1969

Каптерев «Вечерний звон»

Колокола – качаются
колокола – качаются
и мечутся и маются
на волю вырываются
как будто век кончается!..

Пылает солнце пряное
пылает солнце пряное
ядрёное – румяное
и небо полупьяное
горит, как поле бранное!..

Колокола – качаются
колокола – качаются
и купола – склоняются
и в пляску вовлекаются
качаются – качаются!..

Сирень многоголовая
сирень – многоголовая
фонтанная – лиловая
густая – баснословная
колышется – бредовая!..

Колокола – качаются

колокола – качаются
и птицы ввысь взметаются!..
И инок потупляется:
чудесный день кончается...

31.3—1.4.73

«Проказы природы ...»

Проказы природы —
проказа, чума и холера
проклятия рода людского —
бездомность и голод
нет, вы не исчезли
но тают владения ваши
не вечно вам править
страной человеческого горя

Преемники ваши куда изощрённей и злей:
страдания здоровых, согретых и сытых людей.

лето 1970

«Спит прошлое...»

Спит прошлое,
клубком свернувшись,
не в памяти, а где-то в сердце,
и лишь порою полусонно
царапнет острым коготком.

1970

«На жар-птицу глядят восторженно...»

На жар-птицу глядят восторженно,
подзывают жар-птицу ласково,
восхищённо следят, как гордая
светлой молнией в небе мечется.

Воздвигают замки воздушные,
разбивают сады чудесные,
умоляют жар-птицу нежную
осенить их своим присутствием.

Но обычно уж так случается,
что недолго жар-птица царствует
посреди фантазий безудержных,
для неё одной предназначенных.

Зарастают сады прекрасные
и ветшают дворцы волшебные,
гаснут пёрышки, словно искорки,
в оперении, некогда пламенном.

И среди развалин покинутых,
среди зарослей полузабытого,
как воробушек серый, прыгает

птичка, бывшая прежде жар-птицею.

20.3.71

«Не я в дорогу. Нет. В меня дорога...»

Не я в дорогу. Нет. В меня дорога
вонзается, как светлая тревога,
и режет мою душу пополам.
По городам влечёт, как по балам,
среди танцев в одиночество ввергая.
Вдаль рвётся взгляд, веселье излучая,
забыв про сердце, рухнувшее вглубь.
О, вечность, моё сердце приголубь,
не дай ему предаться укоризне
к душе, распахнутой навстречу пёстрой жизни!..

Не я в дорогу, нет. В меня дорога
вселяется, как буйный танец Бога.
Тоскою по спокойствию томим,
забыв спокойствие, я в танце вместе с Ним.
И до смешного рад, счастливый пленный,
быть вовлечённым в хоровод вселенной.

24—25.1.72

«Крошечная льдинка...»

Крошечная льдинка
– сияющее сокровище в лучах солнца —
качается
между тонкими снежными столбиками
едва их касаясь
своими хрупкими гранями

Братское чувство к ней
растёт в моём сердце
хотя мне солнце дарит жизнь
а не исчезновение
и мои опоры
растают всё-таки позже

19.4.72

«Как белка, взгляд карабкается ловко...»

Как белка, взгляд карабкается ловко
по золотистому стволу сосны.

Вдруг он столкнулся с настоящей белкой,
и хитро посмотрели друг на друга
два маленьких пушистеньких зверька.

21.4.72

«Одинокая цепочка следов...»

Одинокая цепочка следов
на пустынном побережье,
задумчивых, но уверенных,
будто знающих куда им идти.

Цепочка кончается
двумя повернувшими вспять следами,
на которых ещё стою я,
глядя на пройденный путь
и совершенно не понимая,
куда же двигаться дальше.

апрель 1972

Кадриорг

Белые ночи по морю бродят,
по морю бродят, на берег выходят,
ходят, тревожные, путая след...
Нет на них удержу, удержу нет.

Вдруг подкрадётся чудесница-ночь,
в сердце дохнёт – и все хлопоты прочь,
в сердце дохнёт и вперёд подтолкнёт,
словно послав тебя в тихий полёт.

Белые ночи по светлой дорожке
мягко ступают, как белые кошки,
мягко ступают и в лес отступают,
белой черёмухой там расцветают.

Белые ночи тревожат людей...

День переходит в прозрачную тень...

Белые ночи... Прибой вдалеке...

Тропка, ведущая к светлой тоске...

Из сборника «Письма наизусть»

*Посвящается моей любимой
Марии Романушко*

«Блеском и блёстками...»

Романушке

Блеском и блёстками
цирк околдован

Романушке
Блеском и блёстками цирк околдован,
цирк околдован,
цирк околдован.
Бьётся и борется сердце манежа.

Крутит прожектор, грустна словно клоун,
грустна словно клоун,
грустна словно клоун,
девочка тонкая, как надежда.

Веткою света чертит по кругу,
чертит по кругу,
чертит по кругу
быстрых и пёстрых артистов движенья,
радостно вторя каждому трюку,
каждому трюку,
каждому трюку,
словно вселяя в него вдохновенье.

Смехом и смелостью цирк околдован,
цирк околдован,
цирк околдован.
Чувств позасаленных чёртова стирка!..

Девочка светит, грустна словно клоун,
грустна словно клоун,
грустна словно клоун...

В серых глазах – два ликующих цирка.

19.6.72

«В воздухе...»

В воздухе
по зову воображения
носятся целые вселенные,
сталкиваясь друг с другом реже,
чем самолёты в ясную погоду,
но съёживающиеся в комочек
в объятиях неприметного запаха
обжитой квартиры.

11.10.72

«Мы совсем рядом...»

Мы совсем рядом
но полубесконечное расстояние
разделявшее нас так долго
что мы почти привыкли
к его обоюдоострому лезвию
а оно – к нам
своим живучим жертвам
это бесстыжее расстояние
не желает исчезать
как ему положено
по благородным физическим законам

Оно сложилось плотной гармошкой
и не позволяет нам
даже взяться за руки

9—10.9.72

«Весь город исходив от края к краю...»

Весь город исходив от края к краю,
Встречаю виденное снова, словно сплю...
И, как открытые сдела, повторяю:
Да, я тебя люблю. Да, я тебя люблю.

17.9.72

«Наизусть...»

Наизусть

я пишу тебе письма
собирая слова
по обочинам дней недели

...И опрокинутый навзничь
прижатый к земле
горячей мохнатой тушей
вечной занятости
разъярённой неизвестно чем
не дающей шевельнуть пальцами
сведёнными судорогой недосуга —
наизусть
я пишу тебе письма
на отчаянном языке разлуки

Наизусть

наизусть

наизусть

наизусть я пишу тебе письма
о которых ты не узнаешь

26.9.72

«Мне без тебя невмочь...»

Мне без тебя невмочь
мой милый клоун
как осень
жёлт и пуст манеж души
и мир осточертевшей скукой полон
и звёзды рушатся
в предутренней тиши
потом встают унылые рассветы
бессильные
проникнуть глубже глаз
приносит почта пёстрые конверты
но мне
увы
совсем не всякий раз

Вновь
дохлый день
из сил последних служит
Гранд-Суете
модерной сатане
груз дел влача
как груз горбов верблюжьих
и тяжело
и приросло к спине

Я
словно верящий в себя лазутчик
ношу
красуясь
вражеский мундир
а в кобуре
соблазн

Вот-вот мне всё наскучит

Вернись скорей
верни меня в свой мир

4.10.72

Бродячий цирк

Марии Романушко

Пегая кобылка
скрипучий фургончик
жёлтые афишки
лохматый пёс

С делами тошными навсегда покончив
мы теперь бродяги
какой с нас спрос

На лужайке
яркой от солнечной зелени
ззывала рыжий
орёт-поёт
В самое рабочее, казалось бы, время
к нашему манежу течёт народ

Нам кулис не нужно
мы как на ладошке
акробат без лонжи
ковёрный без ковра
пляшем под расчёску
жонглируем картошкой
кричим по-французски:

Алле! Вуаля!

За бока хватаются
усатые дяди
бабки в косынках вытирают глаза

Наши блёстки блещут
в каждом взгляде
смехом возвращаются наши голоса

.....

Гаснут афишки
темнеет фургончик
тычется в колени тёплый пёс

Завтра ехать дальше
петь ещё звонче

Пегая кобылка жуёт овёс

12.6.73

«Чудесная бабочка с глазами феи...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.